

Уланова Г.С.

С/И-1990г.

СОВРЕМЕННОСТИ

НЕ ЗНАЮ, наденет ли послезавтра, в день своего рождения, Галина Сергеевна Уланова свое любимое кольцо, на котором два лебединых крыла обрамляют лицо Анны Павловой. Это кольцо символическое. Его сделал знаменитый представитель изысканного стиля модерн, пытавшегося красотою спасти мир, француз Рене Лялик в честь Анны Павловой. Сделал в 1910 году на излете времени модерна, в том самом году, когда в далекой России, в снежном январском Петербурге, в семье артистов балета Марии Федоровны Романовой и Сергея Николаевича Уланова родилась дочь Галия.

А много лет спустя в Москве французский балетмейстер Морис Бежар снял кольцо со своей руки и подарил той, которой «оно принадлежало по праву» — великой Галине Улановой.

Таких таинственных, таких символических совпадений в жизни Галины Сергеевны было много.

Эвелина Курнанд, считавшая французский язык родным, имевшая американское подданство и бабушку, родившуюся в Венгрии, увидела Галину Сергеевну Уланову впервые на сцене во Флоренции в 1951 году. С тех пор Эвелина не пропускала ни одного из выступлений Улановой за рубежом, где бы она ни была, основала балетную труппу, взяла себе псевдоним Анна Галина, соединив в нем имена Павловой и Улановой, и выучила в совершенстве русский язык. А все свое немалое состояние тратила на покупку русского искусства, связанного с русским балетом.

И когда Галина Уланова вместе с главным художником Большого театра Вадимом Рындиным пришла в Париж в студию Натальи Гончаровой и Михаила Ларионова, выяснилось, что последние годы этих неповторимых художников были бы намного тяжелее, если бы не помощь Анны Галиной — Эвелины Курнанд.

А теперь в доме Галины Сергеевны хранятся (рядом со стопкой писем от Сергея Лифаря, начинающихся одинаково: «Я к вам пишу, чего же боле...») перевязанные ленточкой письма, на которых московский адрес написан падающим старческим почерком Ларионова. И лежит любительская карточка: два пожилых, скромно одетых человека печально смотрят в объектив — Гончарова и Ларионов.

«...Вот вы уже уезжаете... Теперь мне нужны мои плохо ходящие ноги, чтобы поехать в любимую Москву, которую не видел уже больше сорока лет, как уехал весной 1915 года, побитый в Восточной Пруссии, на поправку к Дягилеву. А теперь меня могут поправить только в Москве — как изменился мир! Новый город выстроили новые люди... Создали Уланову, но надо было ей родиться. Что меня поразило в ней — это ее такт. Такие люди создаются нелегкой жизнью и работой — нужно иметь талант, но главное развить его и применить...»

Ваш искренне преданный
М. Ларионов.

«...Меня теперь часто спрашивают, что говорила Галина Сергеевна. Но во время ее посещения я была вся зрение и волнение и почти ничего не запомнила, как это бывает в волнительном сне. Обо всем этом я не писала, так как хорошо понимаю, что объяснений в любви она получает несчетное количество. Это письмо вам об этом, если не найдете его излишним, прочитайте его и ей...»

Наталья Гончарова.

Ларионову не удалось увидеть любимую Москву и подлечить больные ноги. И он, и Гончарова вернулись в Москву в 1933 году — в картинах, эскизах декораций, рисунках. Эту коллекцию, которой цены нет, подарила Анна Галина, написавшая в дарственном письме: «Я, Эвелина Курнанд, передаю в дар... стране, которая создала великую, гениальную артистку Г. С. Уланову... коллекцию картин и книг по истории балета».

В моем блокноте сохранилась запись последнего разговора с Эвелиной Курнанд. Уже давно ушли из жизни Гончарова и Ларионов, и она мне рассказывала, как они в одну из последних встреч говорили о Галине Сергеевне, «пытаясь разгадать ее тайну». Я спросила: разгадали ли? Эвелина ответила: «Нам издали было это трудно».

О тайне говорили многие. И я, услышав знакомое, не спросила, а что же они в это понятие — тайна — вкладывали. А теперь уже и не спросишь: Эвелины Курнанд тоже нет.

«О, ВЫ И ПРЕДСТАВИТЬ себе не можете, что значит в Америке имя Улановой. Успех, триумф — все это слишком невыразительные

слова», — писал рисовавший Галину Сергеевну художник Борис Шалыпин, сын великого русского певца. И Сергей Эйзенштейн, внимательно приглядевшись к Улановой (позже он пригласил ее на роль Анастасии в «Иване Грозном», а она, уже примерив костюм, отказалась: не могла пропустить спектакли в Большом), говорил: «Уланова — чудо. Несличима и несравнима с другими танцовщицами. По признаку самого сокровенного. По природе тайны».

И уже в наше время Вениамин Каверин, посмотревший лучший, да, пожалуй, и единственный в этом роде фильм «Мир Улановой», написал: «...как ни странно, между тем, что нам показали, и самой Улановой, — пропасть. О ней рассказать так же трудно, как о Девятой симфонии Бет-

ховена. Слезы приходят раньше разумного, трезвого толкования. Сила великой артистки как раз и состоит в том, что она каждый раз напоминает нам свое, тайное, невысказанное».

Бессмысленное, казалось бы, дело — пытаться разгадать загадку великого таланта. Без тайны нет чуда искусства. Гениальное, особенно природо его творчества, всегда таинственно, всегда загадочно и, слава богу, до конца не раскрываемо.

Точнее всех, по моему, объяснил Уланову Борис Пастернак в письме, впервые опубликованном в неусеченном виде в нашей газете в прошлом году. В Улановой — Золушке Борис Леонидович увидел «силу детской, покорной обстоятельствам и верной себе чистоты... что-то в Вас существенное, как убежденное».

«Мне эта сила дорога в ее угрожающей противоположности той, тоже вековой, живой и трепетливой низкопоклонной стихии, нынешних форм которой я не люблю до сумасшествия и так откровенно безучастен к ней, что позволил ей низвести себя до положений эш».

Когда-то Галина Сергеевна сказала Альберту Кану, американскому писателю и фотомастеру, создавшему книгу «Дни с Улановой» и лучшую фотолетопись об Улановой: «Я сильнее, чем вы думаете». А он потом записал: «Я ушел от Улановой с уверенностью, что встретил женщину настолько же необыкновенную, насколько она казалась обыкновенной».

Наверное, и в этом была если не тайна, то нечто уникальное: в хрупкой, казавшейся на сцене неземной женщине угадывалась не только «верная себе чистота», но и необыкновенная, действительно тайная сила ее, вырастающая в силу сопротивления, в угрожающую противоположность. Мудрый Пастернак увидел способность самой Галины Сергеевны и в

жизни не принимать того, что было низкопоклонной стихией, оказывать сопротивление всему, что было ей чуждо.

У нас мало писали о том, что балетов, поставленных специально для Улановой, было намного меньше, чем она того заслуживала. У нас мало писали о том, что когда-то собирались ставить балет с Улановой в роли Жан-ны д'Арк, о которой она давно мечтала. Начались репетиции. Уланова, как говорят свидетели их, «была блистательна». И когда отрепетировали уже первый акт, посоветовали (приказали?) его переделать. Уланова создавала образ девушки, озаренной божественным провидением, верой, и это не принималось. Требовалось нечто иное, с верой не связанное. Рассказывая однажды об этом, Галина

Сергеевна сказала: «Мне стало неинтересно, скучно». Уланова от роли отказалась. Так же, как отказывалась от многих других лестных вроде бы предложений, если они не совпадали с ее человеческим достоинством, с ее принципами, с ее понятиями чести и совести.

Однажды Владимир Васильев сказал: «Я знаю: если кто-то из учеников Улановой пойдет на компромисс — на сцене или в жизни, все равно, — он потеряет ее навсегда...» Кого-то из прежде близких людей Галина Сергеевна отвергала именно таким образом. И, вспоминая дружбу с профессором Николаем Николаевичем Началовым и актрисой Елизаветой Ивановной Тиме, оказавшими на Уланову большое влияние, она говорила: «Они были настоящими людьми, какими должны быть люди и теперь... Но, может быть, раньше верили в бога так, как они верили в театр, в жизнь, в честную жизнь, в настоящую жизнь без каких-то компромиссов».

В ОДНОМ из писем Ларионов сказал об Улановой: «Люди создают окружающее их, но и окружающее так же влияет на людей». И ошибся. Окружающее на Уланову влияло очень избирательно. Она всегда оставалась самой собой, не произносила жалких верноподданнических слов, не идя на сделку со своей совестью, чего бы это ей ни стоило.

Так случилось, что я много лет бываю в доме Улановой и, хотя она скупко рассказывает о себе, могла бы написать: «Помню, она мне рассказывала... однажды Галина Сергеевна сказала...».

Могла бы, но не получается. В черновике я записала уже историю о том, как пытались повлиять на Галину Сергеевну, чтобы в балетном конкурсе лучшими были только советские танцовщики, а она ответила... Как ей вручали награды и заранее пояснили, кого и как благодарить, а она сказала... О том, как она спасла близких друзей от возможного ареста и не побоялась угрозы ссылки... И о многом другом...

Я ей сказала, что хотела бы об этом написать. А Галина Сергеевна, каменеей лицом, тихо и твердо: «Я раньше об этом публично не говорила и не считала возможным подробно рассказывать всем об этом сейчас...» Я не могу ее послушаться, и думаю, что в самих запретах, слышанных мною (и не только мною) — «не хочу учить мир... не хочу сталкивать людей...», — черта характера истинных русских интеллигентов, которые волею несчастной нашей отечественной судьбы так редки и, наверное, поэтому так таинственны. Так мало у нас осталось подлинных аристократов духа со своим высоким кодексом чести, со своей высокой шкалой нравственных ценностей, которыми не поступаются не только

семнадцать тому назад, когда вы воспринимались изданию «Дней с Улановой» на русском языке на том основании, что автор книги вас чересчур превозносит и было бы нескромно с вашей стороны допустить ее издание в СССР... Я уже давным-давно простил вам те горькие три дня, когда я ломал голову, пытаюсь найти способ убедить вас, чтобы вы все-таки позволили издать книгу в Советском Союзе! (Когда-нибудь я расскажу вам, с какой беспардонной хитростью был найден этот способ!)...

Альберт Кан в свое время сделал более 5.000 фотографий. Самая большая фотолетопись Улановой — в Америке. И самый представительный вечер (гости съехались со всего мира) в честь Галины Улановой был устроен ЮНЕСКО в Париже. И скульптура Улановой-лебедя, выполненная Инсон-Манизер, стоит перед Музеем балета в Стокгольме. А у нас и музея балета нет, и музейную комнату Тиме-Началова, в которой бывали Собинов, Мейерхольд, Алексей Толстой, Уланова и многие другие, совсем недавно в Ленинграде закрыли. И последнее прекрасное лотти двухчасовое интервью с Галиной Сергеевной сделано год тому назад не отечественным, а японским телевидением.

«Они» заботливей нас? Рациональнее? Умнее? Просто богаче? Думаю, что в силу целого ряда причин им удалось лучше сохранить истинные человеческие ценности, удалось яснее чувствовать, какое место тот или иной мастер занимает в истории мировой культуры.

В марте 1984 года на открытии скульптуры Улановой в Стокгольме президент Международного комитета танца ЮНЕСКО Бенгт Хегер сказал:

— Мы живем в жесткое и, я бы сказал, жестокое время. Если дело пойдет так дальше, — во что я, впрочем, не верю, я оптимист, — мы можем стать все чужими друг другу. Вот почему нам нужны люди, которые нас объединяют, прокладывая дорогу от сердца к сердцу, люди, которыми бы мы все одинаково восхищались, которых бы боготворили. Я думаю, что Уланова — тот человек, который может принести на себя ношу подобной высокой миссии. Она ей по плечу.

Тогда еще многие у нас жили иллюзиями и могли подумать, что «жесткое и жестокое время» — это не про нас. Тогда и те, кто с иллюзиями сам расстался, не думали, что так скоро у нас окажется столь много разединяющего.

Оказалось: это и про нас тоже. И дай нам бог побольше прозорливости. И дай бог Галине Сергеевне здоровья, чтобы дальше так же тихо и так же твердо, так же достойно и с таким же чувством меры выполнять эту высокую миссию на земле — человека, который заставляет нас думать о духовности.

Елена БРУСКОВА.

● Галина Уланова в лондонском доме Анны Павловой (публикуется впервые).

● Репетиция.

Фото В. Пчелкина.

(Публикуется впервые).

● Уланова — Джульетта.

Рисунок Ник. Соколова.

ГАЛИНЫ УЛАНОВОЙ

на людях, а и для себя, в тишине, без света лампы.

Уланова действительно была сильнее, чем казалась при небольшом знакомстве. Заворонка, молчаливица, беспартийная Галина Сергеевна — борец по натуре, по сущности своей, по своим симпатиям и антипатиям. И в этом, наверное, часть неразгаданной загадки. Ведь бороться можно не только тем, что ты говоришь и пишешь, а и тем, как думаешь, как живешь, как поступаешь.

Удивительно, как люди, живущие в другом мире, думающие на другом языке, понимали Уланову. Айрис Морли, английский балетный критик, писала: «Чистота, правда и грация исходят от нее, как свет от звезды, и создают образ, который вызывает абсолютное доверие».

Неразгаданный свет... Наверное, это и есть та самая духовность, которую мы потеряли.

Мы сейчас привыкли к громким примерам, впервые публикуемым языком и заявлениям. К сегодняшней видной, часто честной и мужественной борьбе. Ничего более деленого, чем трибуна, заявление, митинг и Уланова, нет. Галина Сергеевна письма и заявления писала очень редко. Только когда надо было защитить чье-то творчество. И, конечно же, никогда никого не предавала, не обличала.

Представьте себе, какой была бы жизнь наша, если бы все, все до единого отказались кинуть камень в Ахматову, в Зощенку, в Пастернака, в Сахарова. Не представляем. Ибо это была бы наша жизнь.

Может быть, потому, что Уланова прожила в нашей очень трудной жизни, сохранив неслыханную «чистоту и правду», она нам кажется таинственной и загадочной.

И, пожалуй, не удивительно, а объяснимо (увя, часто другая система ценностей!), как точно это чувствовали за границей. Одна из американских газет писала: «Если где-нибудь в космосе есть цивилизация выше нашей, то Уланова была бы лучшим посланцем нашей планеты».

ОТНОШЕНИЯ за границей с Улановой тоже своего рода загадка. Она в других странах так же сторонится всякой рекламы и бежит от внимания прессы, телевидения, как и у нас. И все-таки за границей к имени Улановой относятся зачастую внимательнее, трепетнее.

В Нью-Йорке в свое время прошел фестиваль кинолент с участием Улановой. Мы до такого не додумались до сих пор. Одно из последних писем Альберта Кана из Америки (его уже нет в живых) к Галине Сергеевне было написано в 1978 году, когда отношения между нашими странами были далеко не лучшими.

«Рад сообщить вам, Галия, что на этой неделе в музей-библиотеке Линкольн-центра на месяце открылась выставка ваших фотографий, снятых мною. Выставка устроена в вашу честь и приурочена к юбилейной дате вашего дебюта на сцене Мариинского театра 50 лет тому назад...»

— А у нас выставки такой еще не было, и дата эта не отмечалась.

Письмо Кана публикуется впервые (так же, как и Ларионовой, и Гончарова), давайте прочтем его еще немножко.

«...зная вас, я уверен — вы едва ли стали слушать то, что я хотел бы сказать. Вы тут же отмахнулись бы от моих слов, считая их не в меру восторженными, напыщенными и так далее. Я слишком хорошо помню, больше того, никогда не забуду тот вечер, лет